

Проблемы модернизации России в книге И. В. Поткиной

М. А. Давыдов

Для цитирования: Давыдов М. А. Проблемы модернизации России в книге И. В. Поткиной // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 1. С. 25–50.
<https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.102>

Автор статьи высоко оценивает монографию И. В. Поткиной «В преддверии катастрофы. Государство и экономика России в 1914–1917 годах», считая ее весомым вкладом в современную историографию. В книге, где в качестве основного источника исследования взяты нормативно-правовые акты, принятые правительством в годы Первой мировой войны, предложен новый подход к их изучению, который позволил выявить особенности формирования военно-мобилизационной модели экономики и управления народным хозяйством. Суть методики И. В. Поткиной заключается в том, что постановление она рассматривает не как единичный документ, а как серийный или в известной степени массовый источник. В конечном счете это позволило автору провести статистическую обработку 1279 нормативно-правовых актов. Ею выявлены восемь основных направлений экономической политики правительства и при этом показано, что в годы войны внутренняя политика становится социально ориентированной. Сравнив способы регулирования экономики царского и Временного правительства, автор заключает, что это были разные периоды формирования мобилизационной модели, причем именно политика Временного правительства привела к краху экономики. В итоге автор монографии приходит к обоснованному выводу о том, что экономическая политика царского правительства соответствовала вызовам времени и общеевропейским трендам. Надуманным выглядит тезис о так называемом системном кризисе самодержавия. Он связывает проблемы развития страны на рубеже XIX и XX вв. с тем, что в 1861–1905 гг. Россия пыталась реализовать первую в своей истории антикапиталистическую утопию о том, что в индустриальную эпоху можно быть «самобытной» великой державой, то есть влиять на судьбы мира, отвергая все то, за счет чего конкуренты и противники добились процветания, прежде всего общегражданский правовой строй, соответствующие права всех страт населения и полную свободу предпринимательства. Только в 1906 г. начинается переход к правовому государству.

Ключевые слова: Первая Мировая война, государственное регулирование экономики, модернизация, Столыпинская аграрная реформа, кризис аграрного перенаселения.

Михаил Абрамович Давыдов — д-р ист. наук, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20; mdavydov@hse.ru

Mikhail A. Davydov — Dr. Sci. (History), Professor, HSE University, 20, Myasnitskaya ul., Moscow, 101000, Russian Federation; mdavydov@hse.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Problems of Modernization in Russia in the Book by Irina Potkina

M. A. Davydov

For citation: Davydov M. A. Problems of Modernization in Russia in the Book by Irina Potkina. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 1, pp. 25–50. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.102> (In Russian)

The author of the article highly appreciates the monograph by I. V. Potkina “On the eve of the catastrophe. The state and economy of Russia in 1914–1917”. The author of the book proposed a new approach to their study, which made it possible to identify features of the formation of the military-economic mobilization model and management of the national economy. I. V. Potkina classified eight main directions of the government’s economic policy. Comparing the ways of regulating the economy of the tsarist and the Provisional Government, the author showed that these were different periods of the formation of the mobilization model, and it was the policy of the Provisional Government that led to the collapse of the economy. As a result, the author of the monograph came to a reasonable conclusion that the economic policy of the tsarist government was in line with the challenges of the time and pan-European trends. The author of the article considers the thesis about the so-called systemic crisis of the autocracy far-fetched. He connects the problems of the country’s development in the late 19th — early 20th centuries with the fact that in 1861–1905 Russia tried to realize its first anti-capitalist utopia — that in the industrial age it is possible to be a “distinctive” great power, that is, to influence the destinies of the world, rejecting everything due to which competitors and opponents have achieved prosperity, primarily, the general civil legal system, the corresponding rights of all strata of the population and complete freedom of entrepreneurship. Only in 1906 did the transition to the rule of law begin.

Keywords: World War I, state regulation of the economy, modernization, Stolypin’s land reform, agrarian overpopulation crisis.

Я весьма благодарен редакции за возможность высказать свое мнение о новой монографии известного историка пореформенной эпохи И. В. Поткиной. Эта книга — значительный шаг в осмыслении сложной проблематики истории Первой мировой войны, и сразу скажу, что данную работу, как, впрочем, и другие тексты автора, я оцениваю весьма высоко.

Советская историография трактовала всю пореформенную историю в контексте Октябрьского переворота, однако события 1914–1917 гг. играли по понятным причинам особую роль. Ведь преувеличение неизбежных проблем и трудностей положения страны до 25 октября вкуче с педалированием темы неэффективности политики старых властных структур якобы объясняло и оправдывало действия большевиков.

Работа И. В. Поткиной, в которой аккумулирован и систематизирован значительный объем данных о самых различных аспектах жизни Российской империи в это сложнейшее время, вносит весомый вклад в разрушение старых подходов к проблематике Первой мировой войны.

Монография включает, помимо Введения и Заключения, семь информативно весьма насыщенных глав. В них анализируются способы решения российской властью ряда важнейших проблем, обусловленных тотальной войной, обострившей старые и обозначившей новые проблемы. Это потребовало от правительства, мобилизовавшего под ружье самую большую в мировой истории армию (со всеми

вытекающими последствиями), совершенно новых управленческих подходов к руководству страной.

Вышесказанное предопределило центральную проблему книги — государственное регулирование народно-хозяйственной и социальной (а также гражданско-правовой) сфер в 1914–1917 гг. Основное внимание автор уделяет законодательному обеспечению их функционирования, дополняя анализ правовых актов значимыми свидетельствами мемуарной литературы.

Разумеется, все поднятые автором проблемы важны и актуальны, пусть и не в равной степени; и естественно, что мое внимание привлекло прежде всего то, что особенно близко мне как автору работ, посвященных событиям накануне 1914 г.

В первой главе дается весьма глубокий анализ историографии вопроса, характеризует сложный корпус используемых источников и формулируются новые подходы к исследованию российского законодательства периода Первой мировой войны, в чем, надо думать, сказался и предшествующий опыт работы автора с такого рода материалами¹. На мой взгляд, И. В. Поткина продемонстрировала новые подходы к анализу законодательства как массового источника. Она сумела уйти от доминирующего в историографии иллюстративного метода и эффективно осмыслить огромный корпус аккумулированных ею законодательных актов.

К анализу основного объекта изучения — нормативно-правовых актов, опубликованных в официальном правительственном издании «Собрание узаконений и распоряжений правительства» за 1914–1917 гг., — Поткина подошла весьма нестандартно. Она исходит из идеи, что отдельный правовой акт является не только единичным документом, который регламентирует какую-либо сферу деятельности, но и серийным, своего рода массовым источником.

По собственному признанию автора, «в результате продолжительного эвристического поиска из 9297 опубликованных за период войны постановлений» выявлено 1279 актов, затрагивающих «регулирование экономики и вызванных к жизни чрезвычайными обстоятельствами». Эти документы были разделены на восемь тематико-хронологических блоков (серий) постановлений с условным обобщающим названием: «финансы и кредит», «налогообложение», «социальная сфера», «внешняя торговля», «ценообразование», «внутренний рынок», «регулирующие органы», «неприятельские подданные»². Эти материалы, обработанные статистически, стали источниковой базой для решения поставленных И. В. Поткиной задач и закономерно предопределили структуру работы.

Таким образом, мы видим вполне оригинальный метод изучения источников, который дал науке новое знание о государственном регулировании народного хозяйства и социальной сферы России в годы Первой мировой войны и позволил внести ряд важных корректив в имеющиеся интерпретации. Думаю, что И. В. Поткина поставила новую планку, задала некий новый стандарт работы с законодательством.

Вторая глава посвящена возникновению и развитию механизма управления в условиях военного кризиса, что, в частности, проясняет важную проблему пе-

¹ Поткина И. В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России, XIX — первая четверть XX в. М., 2009.

² Поткина И. В. В преддверии катастрофы. Государство и экономика России в 1914–1917 годах. СПб., 2022. С. 67–69.

риодизации становления и формирования в стране военно-мобилизационной экономики. Этот процесс сопровождался невиданными прежде управленческими новациями. В новых органах предусматривалось участие представителей Государственного совета, Государственной думы, Государственного контроля, некоторых министерств и уполномоченных от торгово-промышленного класса. Тем самым, на мой взгляд, продолжилась начатая Столыпинской аграрной реформой серьезная тенденция к сотрудничеству с общественностью в решении весьма широкого круга проблем³.

В этой главе четко выделены две очень важные линии повествования: во-первых, собственно процесс централизации управления народным хозяйством, его, так сказать, техническая сторона, и, во-вторых, взаимоотношения власти с общественностью во вновь созданных органах управления, что предвосхищает критический анализ автором деятельности Временного правительства.

Автор весьма детально анализирует деятельность ВПК и Земгора, дополняя ее оценками компетентных современников, и не скрывает своего критического отношения к ней: «В конечном счете представители деловых кругов России превратили общественную организацию в разрешенную законом трибуну для продвижения своих целей по достижению политической власти»⁴. Необходимо отметить важное наблюдение И. В. Поткиной о том, что политическая деятельность представителей общественности в годы войны с точки зрения юридической «в сущности, была незаконной»⁵.

Сильное впечатление производит и третья глава, в которой анализируется социальная политика правительства в годы войны.

Как справедливо замечено автором, адаптация социальных отношений и защита населения от бремени войны была одним из важнейших направлений деятельности правительства. Данная мысль, в частности, подтверждается тем, что именно этой сферы касалось максимальное число нормативно-правовых актов (НПА). При этом если в имперский период на долю постановлений социального характера пришлось наибольшее число актов — 167 (18,1 % всех привлекаемых постановлений правительства), то для Временного правительства — соответственно 33 (7,8 %).

Пересчет информации, представленной в таблице, показывает, что среднемесячный показатель принятия таких законов за июль 1914 г. — февраль 1917 г. равен 5,4 (1-я позиция из 8); за 1916 г. — февраль 1917 г. — 5,9 акта (2-я позиция из 8); за март — октябрь 1917 г. — 4,1 акта (6-я позиция из 8).

Автор считает, что социальная политика имперского правительства «была многогранной и всеохватывающей, в результате чего затронула достаточно широкие слои населения»⁶, и убедительно это доказывает.

Эта политика затронула весьма обширный круг проблем, одно перечисление которых выглядит весьма внушительно. НПА касались «введения сухого закона, принципов назначения пособий, пенсий и различных денежных вознаграждений,

³ Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны. Российская модернизация Витте — Столыпина. СПб., 2016. С. 535, 947.

⁴ Поткина И. В. В преддверии катастрофы. С. 108.

⁵ Там же. С. 108–109.

⁶ Там же. С. 136–137.

определения ответственных филантропических органов и порядка их финансирования, заботы о сиротах войны, эвакуации госучреждений, помощи беженцам, установления надбавок по случаю вздорожания жизни, заморозки цен на жилье, трудовой мобилизации, освобождения от уплаты налогов, взысканий по ссудам лиц, призванных на войну, и др.»⁷. Больше всего НПА связано с разнообразными мерами материальной поддержки семей пострадавших на фронте военнослужащих. Особо отмечается выдающаяся роль Российского общества Красного Креста в жизни страны.

Автор показывает, что власть пошла «по пути либерализации гражданско-правовых отношений». Обоснованной представляется характеристика социальной политики в годы войны как «комплексной, многомерной и внутренне взаимосвязанной», укладывающейся в «рамки прогрессивной модели социальной работы», охарактеризованной в свое время социологом М. Пейном⁸.

Далее И. В. Поткина анализирует финансово-кредитную политику, процесс перехода народного хозяйства от рыночной экономики к распределению товаров, особенности внешнеторговой деятельности в годы войны и, наконец, действия в отношении предпринимательства иностранных подданных.

Убедительными представляются итоговые заключения автора: «Россия в годы Первой мировой войны находилась в общем европейском тренде, применяя сходные меры по регулированию отдельных отраслей народного хозяйства, связанные с поддержкой кредитно-финансовой системы, с усилением социального обеспечения призванных в действующую армию и их семей, с использованием дополнительных источников финансирования военных расходов, сдерживанием цен на предметы первой необходимости и изделия оборонного значения, а также с запретом на их ввоз и вывоз»⁹.

Вместе с тем отмечается, что конкретная политика правительства в годы войны во многом определялась предвоенной ситуацией в народно-хозяйственной сфере и ее спецификой. В 1914–1917 гг. роль государства в этой сфере закономерно усилилась. В итоге, считает автор, чрезвычайные обстоятельства военного времени привели к формированию рескриптивной, или нормативной, модели, которая должна была исправить ситуацию «в наиболее пострадавших отраслях»¹⁰.

В целом же, по мнению автора, «внутренняя народно-хозяйственная политика правительства была логически взаимоувязана и имела ярко выраженную социальную направленность. В 1914–1915 гг. сложилось кризисное ситуативное, или оперативное, управление, связанное в первую очередь с решением текущих острейших проблем и ликвидацией образовавшихся по причине войны узких мест в народном хозяйстве»¹¹.

Учреждение Особых совещаний по обороне государства в 1915 г. положило начало формированию военно-мобилизационной модели экономики, но лишь в 1917 г. Временное правительство придало этой модели «законченный вид», завершив переход от «рыночных механизмов к распределительной системе». И. В. Пот-

⁷ Там же. С. 137.

⁸ Там же. С. 180.

⁹ Там же. С. 360.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 361.

кина считает, что «в общем и целом имперское правительство неплохо справлялось со своими обязанностями» в сфере регулирования, что подтверждает и новейшая историография¹².

Трагедией России стал тот факт, что в годину тяжелейших для страны испытаний общественный диалог между властью и оппозицией, в том числе и революционной, налажен не был, что и привело к падению царизма. Вину за это автор возлагает на все стороны.

Пришедшая к власти оппозиция всех цветов политического спектра привела Россию «к социально-экономическому и политическому краху». Февральская революция резко усилила «возникшие в результате войны негативные процессы в народном хозяйстве, с которыми вопреки принимавшимся усилиям новая власть так и не смогла справиться»¹³. Не могу не согласиться с этим выводом.

Работа И. В. Поткиной, безусловно, оптимистическая, притом что она отнюдь не скрывает изъяны и промахи царизма. Я уже писал, что важнейшая разница между пессимистическим и оптимистическим взглядами на пореформенную историю России «заключается вовсе не в противоположной оценке одних и тех же фактов. “Пессимисты” унаследовали от народников такие концепты, как “обнищание народных масс”, “малоземелье”, “голодный экспорт”, “непомерные платежи”, “провал Столыпинской аграрной реформы” и пр., которые давно считаются аксиоматичными и лишь варьируются в том или ином виде. Однако при ближайшем рассмотрении эти якобы “бесспорные факты” оказываются либо бóльшими или меньшими фикциями, либо не весьма корректными упрощениями. Источниковая база, которой оперируют сторонники второго подхода, несравненно шире, не говоря уже о более высоком методологическом и методическом уровне исследований, а потому их выводы, несмотря на непривычность, с научной точки зрения куда более обоснованы»¹⁴.

Применительно к рассматриваемым Поткиной сюжетам можно уверенно говорить о сознательной дискриминации, об априорном осуждении «пессимистами» едва ли не всех (даже бесспорно разумных) правительственных мер августа 1914 г. — февраля 1917 г., о замалчивании социальной составляющей внутренней политики, а шире — об игнорировании всего того, что могло представить власть в позитивном свете и тем самым поставить под вопрос монополию большевиков на единственно верные и справедливые государственные решения.

При этом нельзя не отметить намеренную постановку работы царского и Временного правительств в один логический и событийный ряд, в котором второе якобы механически продолжает деятельность первого. Об этом писал, например, С. В. Куликов¹⁵, справедливо считающий, что «надо различать, как минимум, “две России” — дофевральскую и послефевральскую»¹⁶.

Понятно, что советской историографии и ее наследникам было очень удобно объединять в один период события, происходившие с августа 1914 г. по октябрь

¹² Поткина И. В. В преддверии катастрофы. С. 361–362.

¹³ Там же. С. 362.

¹⁴ Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны. С. 9.

¹⁵ Куликов С. В. Спор между «пессимистами» и «оптимистами» продолжается... // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 1. С. 264–270.

¹⁶ Там же. С. 269.

1917 г., и делать царизм ответственным за промахи Временного правительства, которое просто расчистило дорогу большевикам и разве что не постелило перед ними ковровую дорожку.

И в этом плане очень важен комплексный характер книги И. В. Поткиной, позволяющий увидеть многое из привычного в новом, куда более адекватном виде, чем раньше. Шаг за шагом она методично демонстрирует важные, иногда принципиальные различия в политике власти до и после 2 марта 1917 г. и не случайно помещает термин «достижения» Временного правительства в кавычки¹⁷.

Эти различия легко усмотреть даже из таблицы, в которой пересчитаны данные, приведенные И. В. Поткиной.

Среднемесячное число НПА по направлениям деятельности

Направление	1914–1917 гг.	1916–1917 гг.	При Временном правительстве
1. Финансы и кредит	4,1	3,4	5,9
2. Налогообложение	3,9	3,4	2,5
3. Социальная сфера	5,4	5,9	4,1
4. Внешняя торговля	3,5	4,6	4,3
5. Цены	5,1	10,0	12,0
6. Внутренний рынок	2,7	4,6	11,0
7. Регулирующие органы	3,1	4,3	11,4
8. Неприятельские подданные	2,1	2,3	1,5
<i>Всего:</i>	<i>29,8</i>	<i>38,4</i>	<i>52,6</i>

Составлено по: Поткина И. В. В преддверии катастрофы. С. 71.

Да, разумеется, проблемы 1917 г. не были идентичны проблемам 1916 г., но трудно не заметить законодательного «куража» Временного правительства, которое могло себе позволить, в частности, «простую законодательную рокировку, за которой не последовало и не могло последовать реальных действий»¹⁸.

Из текста несложно заключить, что эффективно управлять страной оказалось не так просто, как это виделось со стороны захватившим власть людям, имевшим в основном какое-то высшее образование, а иногда — незначительный управленческий опыт. Хотя чем больше социалистов становилось во Временном правительстве, тем оно работало хуже. И это при том, что на местах сохранялся старый госаппарат, обеспечивавший более или менее нормальную (относительно условий военного времени) жизнь страны. В целом же «революция, да еще в период войны, была, особенно для России, слишком дорогим удовольствием, чего не хотели признавать лидеры левых партий, наконец-таки дорвавшиеся до воплощения своих партийных программ»¹⁹.

¹⁷ Поткина И. В. В преддверии катастрофы. С. 130.

¹⁸ Там же. С. 129.

¹⁹ Куликов С. В. Спор между «пессимистами» и «оптимистами» продолжается... С. 265.

В этом плане вполне показателен, например, категоричный вывод И. В. Поткиной относительно финансовой политики Временного правительства: «Как видно, в вопросе финансового обеспечения военных расходов Временное правительство придерживалось практики, выработанной царской администрацией, однако существенно усиливая налоговый пресс и увеличивая государственную задолженность. Постоянно нараставшие военные расходы, обесценивание рубля, достигшее дна в последние месяцы 1917 г., сводили на нет усилия имперской власти по повышению доходной части бюджета. Что касается деятельности Временного правительства, то его кредитно-финансовая и налоговая политика привели к финансовому и экономическому банкротству страны»²⁰.

У меня нет сомнений в том, что большевики, просто уничтожившие в народном хозяйстве все, до чего смогли добраться, в этом плане — продолжатели политики Временного правительства.

Рецензируемая монография вносит весомый вклад в осмысление весьма актуального вопроса о том, насколько управленческая деятельность царизма предопределила революционные катаклизмы 1917-го и последующие события. Взвешенный анализ И. В. Поткиной не дает оснований для пессимистических выводов. Да, далеко не все было идеально, но то же можно сказать и о других воюющих странах. Своя специфика и свои трудности были везде. Тем не менее только в России в 1917 г. произошла катастрофа, имевшая воистину мировые последствия. И в сущности, вопрос о ее причинах остается, полагаю, едва ли не главным вопросом нашей истории

Дает ли на него ответ тезис о «системном кризисе самодержавия»? Полагаю, что нет, ибо он противоречит фактам и игнорирует все те огромные перемены, которые произошли в России после 17 октября 1905 г. Попытаюсь предложить другой подход.

Для пореформенной эпохи главной проблемой, из которой вытекают все остальные, я вижу тот факт, что в 1861–1905 гг. Россия де-факто пыталась реализовать первую в своей истории антикапиталистическую утопию²¹.

Поясню эту мысль, хотя и не столь подробно, как бы того хотелось.

Традиционное изложение пореформенной истории не может не вызывать вопросов. Со школы мы знаем о развитии капитализма после 1861 г., и глобально тут не с чем спорить. Да, капитализм в стране развивался, но эта мысль слишком общая. Вопрос в том, насколько быстро, масштабно, эффективно и т. д. шло это развитие. Могло ли оно быть более плодотворным? Безусловно, могло.

Модернизация Витте — Столыпина была временем успешных реформ, превративших Россию в одну из самых динамично развивающихся стран в мире. Вместе с тем, в сущности, это, безусловно, была «модернизация вопреки», то есть преобразования, которые отвергала значительная и влиятельная часть русского общества. Однако именно тогда, когда правительство с 1890-х гг. начало проводить политику, которая шла вразрез с доминирующими в обществе тенденциями, Россия начала эффективно преодолевать то громадное отставание от передовых стран Запада, которое однозначно фиксируется в середине XIX столетия. Следовательно,

²⁰ Поткина И. В. В преддверии катастрофы. С. 230.

²¹ См.: Давыдов М. А. Теорема Столыпина. СПб., 2022.

пореформенный период развития Российской империи в целом мог быть намного успешнее, если бы элиты не сопротивлялись модернизации.

Данная мысль подтверждается самым поверхностным сопоставлением отечественной и японской версий экзогенной модернизации. Не вдаваясь в детали, напомним, что за 1868–1873 гг. Япония, несмотря на вызванную переменами гражданскую войну, начала реализацию продуманной *программы* всесторонних и притом *радикальных* преобразований. Японские лидеры быстро осознали, что во второй половине XIX в. залогом успешного развития нации во всех сферах жизни, в том числе и военной, является раскрепощение личностного потенциала населения, то есть упразднение, насколько это возможно, средневековых ограничений и сословных преград, введение общегражданского правового строя, основанного на равенстве граждан в юридическом отношении. В начале 1880-х гг. в стране появляются первые политические партии, а в 1889 г. — парламент.

Заимствование достижений Запада не превратило Японию в среднестатистическую условно европейскую страну. Революция Мейдзи создала не либеральное государство, а весьма конкурентоспособный государственный организм, сохранивший при этом свои богатейшие исторические традиции. Япония «просто» оплодотворила западным опытом потенциал народа, заметно повысила уровень «человеческого капитала»²² и резко ускорила свое развитие. Модернизация сплотила нацию, дав ей новые цели и смыслы.

Россия пошла по другому пути — после 1861 г. она во многом *сознательно* воплотила гигантскую *антикапиталистическую утопию*²³, утопию о том, что во второй половине XIX — начале XX в., в индустриальную эпоху, можно быть «самобытной» великой державой, то есть влиять на мировую историю, игнорируя все то, что принесло процветание конкурентам, и в первую очередь — общегражданский правовой строй и соответствующие права всего населения, а также свободу предпринимательства.

Россия лишь модифицировала многие, но далеко не все из ключевых аспектов своего бытия, за 43 года не сумев преодолеть и половины пути, пройденного японцами за пять. Очень важно помнить, что эти подходы правительства вполне разделяла значительная и очень влиятельная часть образованного класса.

Русско-японская война развеяла возможные сомнения в том, чья модель модернизации оказалась эффективнее. Удивляться тут нечему. Ведь до 1906 г. Российская империя *была единственной мировой державой*, в которой сохранялся сословно-тягловый строй, в которой не было парламента, которую нельзя было назвать правовым государством, которая обходилась без аграрной революции (из-за чего $\frac{4}{5}$ населения было лишено права собственности на обрабатываемую землю, не имело свободы передвижения и других элементарных прав), в которой не было полной свободы предпринимательства, всеобщего начального образования и где закон до августа 1904 г. разрешал телесные наказания крестьян.

²² К концу века в школах училось около 85 % японских детей (с 1900 г. — бесплатно). Нелишне напомнить, что в середине XIX в. грамотными были 45 % японских мужчин и 15 % женщин. Россия подобных показателей не имела и в 1917 г.

²³ И, надо сказать, делала это довольно успешно — иначе Г. В. Плеханову, П. Б. Струве и В. И. Ленину не пришлось бы в 1890-х гг. тратить столько сил на доказательство того, что капитализм давно пришел в Россию.

Модернизационные процессы, как известно, с разной интенсивностью развиваются в нескольких взаимосвязанных областях — политической, социальной, экономической, культурной и психологической. Утопия тормозила эволюцию в каждой из них. В частности, ее действием обусловлено достаточно медленное развитие после 1861 г. экономики и социальной сферы, которые очень слабо коррелировали с размахистыми внешнеполитическими претензиями российских элит и неуклонным (1,5 % в год) ростом народонаселения. Достаточно вспомнить, что индустриализация всерьез начинается лишь в конце 1880-х гг. и что в ряде губерний к концу века нарастает кризис аграрного перенаселения, получивший в литературе и публицистике некорректное наименование малоземелья.

Удивительный факт: правительство до 1890-х гг. последовательно игнорировало многое из того, что позволило бы империи реализовать свой гигантский потенциал. Эти меры не нужно было изобретать, они давно уже стали достоянием человечества, их нужно было лишь адаптировать к российским реалиям, как это сделала Япония. Увы, для нас это было неприемлемо, поэтому едва ли не главным парадоксом пореформенной истории явилось глубокое несоответствие между уровнем геополитических амбиций элит и теми средствами, с помощью которых они воплощали эти амбиции в реальную жизнь.

Только поражение в Русско-японской войне, ставшее *настоящим потрясением* для жителей страны, и спровоцированная войной революция 1905 г. ясно показали цену «самобытного» утопизма — Россия оказалась на грани краха.

И тогда наиболее дальновидная часть истеблишмента выступила за смену алгоритма развития страны. П. А. Столыпин зафиксировал это в известных словах о том, что преобразованная Россия должна быть правовым государством. Так Россия встала на общемировой путь.

Своего рода теоретической базой антикапиталистической утопии стал комплекс весьма живучих идей, который я условно назвал новым общественным настроением. Оно начало формироваться с конца 1830-х гг. совокупными усилиями славянофилов и близких к ним по взглядам интеллектуалов, а затем Гакстгаузена, Герцена и Чернышевского.

Будучи сложным продуктом идейной эволюции русского общества, новое общественное настроение, в частности, было естественным порождением как осознания громадной военной мощи империи, ее победоносного прошлого и настоящего (эта система взглядов в главных чертах сложилась до Крымской войны), так и социально-расистской психологии элит, выросшей из русской истории, в первую очередь из феномена всеобщего закрепощения сословий.

Главными компонентами²⁴ нового общественного настроения стали:

1. Идея самобытности исторического развития Российской империи, ставшая своего рода «религией», то есть уверенность в неповторимости, уникальности положения России в тогдашнем мире и в морально-нравственном превосходстве русских над эгоистичными расчетливыми европейцами, живым доказательством чего считалась, в частности, уравнительно-передельная община. На практике это оборачивалось самодовольно-пренебре-

²⁴ Ясно, что каждый из этих компонентов заслуживает нескольких диссертаций, из которых написаны лишь некоторые, поэтому надеюсь на адекватную оценку моего вынужденного лаконизма.

жительным отторжением опыта человечества и убеждением, что, условно говоря, экономические и другие законы развития человечества перестают действовать на русской границе.

2. Неотделимое от этого мессианство. Россия по разным причинам воспринималась как маяк и спаситель всего мира. Господствовала уверенность в том, что благодаря общине она решит социальный вопрос лучше и легче, чем Европа. Православный компонент мессианства, конечно, не разделялся атеистами, но атеистами были не все.
3. Выраженный антиевропеизм, антикапиталистические, а шире — анти-модернизационные настроения, а также склонность к автаркии. Будущее страны виделось только на контрасте, на противопоставлении Западу. Нередко Россия и провозглашалась анти-Западом.
4. Приверженность различным вариантам социализма — от христианского у славянофилов до атеистического революционного у левых народников, а также политика государственного социализма, проводившаяся двумя последними Романовыми.

В центре нового общественного настроения стояла уравнилельно-передельная община, ставшая мифом национального самосознания, символом морально-нравственной состоятельности русского народа. В аксиому превратился тезис о том, что община — гарантия от пролетаризации деревни, что во многом (помимо фискально-полицейских соображений) запрограммировало конструкцию реформы 1861 г. Община «вошла для многих в неизменный инвентарь национальных святынь, подлежащих охранению (курсив мой. — М. Д.)»²⁵.

Все перечисленное выше было неотделимо от низкого уровня правосознания русского общества, вполне естественного после векового правового нигилизма, порожденного крепостничеством.

Новое общественное настроение отвечало на конкретный запрос элит. Они ясно понимали фундаментальное различие между Россией и передовыми странами Запада — там к 1861 г. население обладало всеми общегражданскими правами. Собственно, одна из главных претензий к Западу и состояла в том, что там у людей слишком много прав. Это типичная «проговорка по Фрейду». Социально-растистские взгляды русского общества и обусловили строй Великих реформ, которые дали общегражданские права только более или менее грамотному меньшинству, а масса населения совершенно сознательно по-прежнему была их лишена в полном объеме.

Новое общественное настроение было как формой самоутверждения, так и одновременно и своего рода самозащитой русского общества от грядущей модернизации. За ним стояло, в частности, очень понятное, но не весьма дальновидное желание части элит сохранить старый строй по максимуму. Именно поэтому новое общественное настроение как развернутая программа борьба архаики с модерном стало также и идейно-психологической основой антикапиталистической утопии, что серьезнейшим образом отразилось на развитии страны после 1861 г.

Важно отметить, что далеко не весь образованный класс страны разделял эту систему взглядов. В России хватало людей, которые видели ее психологический

²⁵ Герье В. И. Второе раскрепощение. Общ. прения по Указу 9 нояб. 1906 г. в Гос. думе и в Гос. совете. М., 1911. С. 8.

и хозяйственно-экономический вред, вполне осознавая, в частности, социалистический потенциал общины. Среди ее противников всегда были видные представители общественности, весьма крупные чиновники и даже министры, однако они были в меньшинстве, и вплоть до начала реформы Столыпина решения принимались не ими.

Разумеется, вышесказанное об антикапиталистической утопии *не нужно понимать прямолинейно*. Эта гипотеза — лишь обобщение, которое суммирует все то, что мы знаем об антикапиталистических, антибуржуазных настроениях русского общества, об аграрной политике царизма и менее архаичной торгово-промышленной, отвергавшей полную свободу предпринимательства, ограничивавшей деятельность иностранцев, поляков и иудеев, считавшей частную промышленность социально и политически опасной и предпочитавшей ей убыточную и неэффективную казенную, и т. д.

Если синтезировать всю подобную информацию, то естественным будет вывод о том, что власть де-факто строила антикапиталистическую утопию, полагая, что она может в индустриальную эпоху безнаказанно делать все перечисленное и по-сматривать при этом на карту Евразии как на кроки своей вотчины.

Утопию не нужно воспринимать как некую осознанную плановую установку, всегда активно реализуемую, как это было после 1917 г. (исключая — и то с оговоркой — годы НЭПа). Это констатация того, что на пути развития капитализма в России стояли мощные институциональные препятствия, которые со временем только укреплялись и которые в большой мере поддерживались общественным мнением.

Избранный вариант развития страны был утопическим, потому что он мог быть до некоторой степени эффективным (насколько это слово уместно в описании феномена, в сущности, отвергающего эффективность), если бы империя умерила свои внешнеполитические аппетиты и сконцентрировалась на освоении *уже* имеющейся гигантской территории, равной 1/4 земной суши.

Однако было весьма наивно сохранять в рассматриваемый период внешнеполитические амбиции образца 1815–1853 гг., пренебрегая опытом человечества и имея в качестве государственного базиса общинный вариант неокрепостничества, неграмотное на 80 % население и промышленность, которой не дают свободно развиваться.

Здесь дурную роль, как всегда и везде в подобных случаях, сыграли воспоминания о былом военном величии XVIII — первой половины XIX в., выступающие своеобразным наркотиком.

Воздействие утопии на развитие народного хозяйства и на эволюцию психологии населения после 1861 г. имело, на мой взгляд, наиболее трагичные последствия для судеб страны. Эти сюжеты за недостатком места коротко я и попытаюсь охарактеризовать.

Уже негативная реакция власти и общества на прогрессивные предложения Комиссии Штакельберга (1859–1862 гг.), которые позволили бы России развивать производительные силы в соответствии с мировым трендом, во многом предвосхищала дальнейшую торгово-промышленную политику²⁶. Тем не менее на деле капитализм, конечно, в стране развивался, строились железные дороги, возникали

²⁶ Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л., 1981. С. 93–96.

новые предприятия и т.д. Великие реформы действительно преобразили страну. Если в качестве конечного аргумента власти в стране не фигурирует ГУЛАГ, жизнь всегда берет свое. Речь, повторюсь, о том, что модернизация шла недостаточно интенсивно²⁷.

Конечно, Россия не была одинока в своем неприятии капитализма, ведь его критику русские журналы еще при Александре I заимствовали из западных источников. Антибуржуазный, антимеркантистский как бы «Интернационал» де-факто появился куда раньше организации Маркса и Энгельса.

Замечу лишь, что такой концентрации антикапиталистических настроений, какая была в России, не было ни в одной из ведущих стран того времени. И только в России эти настроения сознательно разделялись правящими элитами и конкретно влияли на реальную политику в социальной и экономической сферах. Мы располагаем многими тысячами страниц официальных правительственных документов, литературы и публицистики всего политического спектра, художественной литературы и источников личного происхождения, которые в разной форме подтверждают эту мысль²⁸. Однако глобально подобное отношение — продукт всей русской истории и культуры в самом широком их значении, а его корни в первую очередь следует искать в наследии православия²⁹. Вспомним хотя бы С. Н. Булгакова³⁰.

Русская классическая литература, на мой взгляд, не дает ни одного положительного образа бизнесмена (исключая гончаровского Штольца, если, конечно, считать его таковым). П. А. Бурыйшкин пишет об этом со сдержанной обидой³¹, а вот А. А. Вольский менее академичен: «Практика показала, что на “культурном” (по крепостнической традиции) языке нашего любезного отечества слово “промышленник” сделалось почему-то синонимом слова “мошенник”, “кровопийца”, “эксплуататор” и прочих, не менее лестных, определений. Такая практика вошла в плоть и кровь нашего общественного мнения»³².

Тут дело не только в механической ненависти общества к капитализму под какими-то предлогами морального свойства³³. Проблема намного глубже.

²⁷ Давыдов М. А.: 1) О проблемах российской модернизации // Российская история. 2018. № 3. С. 33–44; 2) Модернизация Витте/Столыпина: модернизация вопреки? // Проблемы реформирования России на рубеже XIX–XX вв. СПб., 2018. С. 105–148; 3) Теорема Столыпина.

²⁸ Давыдов М. А. Теорема Столыпина. С. 296–299.

²⁹ Данная проблема — одна из ключевых для работы Й. Цвайнерта. См.: Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805–1905. М., 2008. С. 21–23, 32–34, 38–39, 167–188, 356–372 и др.; Керов В. В. Се человек и дело его... Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства. М., 2016. С. 344–368.

³⁰ «Православие не стоит на страже частной собственности как таковой, даже в той степени, в какой это еще делает католическая церковь, видящая в ней установление *естественного* права... Православие не может защищать капиталистической системы хозяйства как таковой, ибо она основана на эксплуатации наемного труда, хотя и может до времени мириться с ним ввиду его заслуг в поднятии производительности труда и его общей производственной энергии» (Булгаков С. Н. Православие: Очерки учения Православной церкви. М., 1991. С. 366–367). В то же время «мы имеем совершенно достаточное основание для *положительного* отношения к социализму, понимаемому в самом общем смысле, как отрицание системы эксплуатации, спекуляции, корысти» (Там же. С. 362).

³¹ Бурыйшкин П. А. Москва купеческая: мемуары. М., 1991. С. 50–70.

³² Вольский А. А. Производительные силы и экономическо-финансовая политика России. Докл. Совещат. конторе железозаводчиков. СПб., 1905. С. 2.

³³ П. Б. Струве писал, что русская интеллигенция «в ее целом не понимала и до сих пор не понимает значения и смысла промышленного капитализма. Она видела в нем только “неравное распределение”, “хищничество” или “хапание” и не видела в его торжестве победы более производи-

Ведь настоящий капитализм, как к нему ни относиться, это всегда права, в том числе и права человека. Они могут реализовываться в большей или в меньшей степени (вопрос места и времени), но это — *права*. Антикапитализм, будь то мягкий вариант 1861–1905 гг. или жесткая и жестокая версия 1917–1991 гг., — это всегда ограничение или отсутствие прав. Однако ко введению в стране общегражданских прав для всего населения ни правительство, ни общество, как мы знаем, готовы не были. Понимание органической взаимосвязи и взаимообусловленности уровня экономики и степени гражданских свобод у них отсутствовало.

Только в 1890-х гг. вектор экономической политики в большой мере изменился, индустриализация России началась всерьез. Произошло это лишь после того, как благодаря беспримечной деятельности А. Н. Поля (ее правильнее назвать мытарствами) уголь Юзовки и железная руда Кривого Рога в 1884 г. были, наконец, соединены железной дорогой с мостом через Днепр в Екатеринославе. Это положило начало Донецко-Криворожскому бассейну, ставшему динамическим центром экономики страны. Замечу, что он возник как минимум на 10 лет позже, чем это стало возможно.

Затем логично был принят протекционистский тариф 1891 г., а вскоре С. Ю. Витте стал министром финансов. Интересно, а как бы развивалась наша история, если бы не полумистическая история попадания Витте в верхние эшелоны власти?

Справедливости ради следует признать, что проведенные им реформы отнюдь не уменьшили накала антимодернизационных настроений. Успех промышленного подъема 1890-х гг. вызвал шквал критики, сопоставимый с тем, который через несколько лет обрушится на Столыпина и его реформы, потому что они тоже ломали утопию.

Время показало наивность расчетов на то, что во время запоздавшей модернизации можно проводить архаичную политику в экономике и социальной сфере, а в военной сфере быть на уровне передовых держав. Если ты игнорируешь опыт человечества в важнейших областях, ты ментально и организационно будешь отставать от них и в том, что считаешь необходимым. Военной промышленности, соответствовавшей амбициям императора и большей части его подданных, как мы знаем, Россия создать не смогла.

Высокотехнологичные отрасли не могут возникать в обстановке негативного отношения к фабрично-заводскому производству. Если даже теодолиты для реформы Столыпина частично закупали за границей, то стоит ли удивляться тому, что когда в 1906–1907 гг. встал вопрос о строительстве дредноутов, России это оказалось не по силам?

Даже после Витте Россия не только не стала страной с полной свободой предпринимательства, но, напротив, и правительство, и Дума не слишком задумывались о повышении промышленного потенциала страны накануне первой в истории человечества тотальной войны. Думское большинство, например, на пике промышленного подъема 1909–1913 гг. постоянно беспокоилось о том, что необходимо сдерживать «чрезмерное развитие частной промышленности и ее укрепле-

тельной системы, не понимала его роли в процессе хозяйственного воспитания и самовоспитания общества» (Струве П. Б. Интеллигенция и народное хозяйство // Струве П. Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 83).

ние»³⁴. Через два-три года эти же люди будут обвинять правительство в нехватке снарядов и патронов.

Непонимание элитами основ народного хозяйства в условиях неуклонного технического прогресса обернулось для империи тяжелыми последствиями. Если в торгово-промышленной сфере Россия, несмотря на доминанту антикапиталистических настроений, волей-неволей должна была идти по западному пути, то сдвинуть утопию в аграрной сфере было намного труднее. Здесь агрессивную и успешную оборону держали народники всех видов.

Крестьянская реформа, справедливо названная С. В. Мироненко «Великой, но неудачной», тормозила (как прямо, так и опосредованно) развитие не только сельского хозяйства, но и других отраслей народного хозяйства. Опыт других стран в решении аграрных проблем Россия отвергла. При этом правительство даже не попыталось осуществить то, что планировали Редакционные комиссии в 1859–1860 гг. Ведь Положения 19 февраля 1861 г. должны были быть скорректированы через 9 лет, планировалось введение «Сельского устава», как это сделал в свое время П. Д. Киселев, и др. В итоге собранная наспех (и во многом экспромтом) конструкция реформы, нацеленная прежде всего на урегулирование временнообязанных отношений освобожденных крепостных и помещиков (о чем прямо говорило едва ли не ¼ статей³⁵) вопреки первоначальным планам превратилась в постоянную. А ведь вопиющие изъяны реформы 1861 г. стали вполне очевидными уже к концу 1860-х гг.³⁶

Понятно, что реформаторы из лучших побуждений стремились к тому, чтобы создать приемлемое, в их понимании, положение и для помещиков, и для крестьян, однако в итоге пострадали и те и другие.

Оказалось, что новый аграрный строй построен даже не на песке, а просто на вулкане. Да, крепостничество было уничтожено, однако сельское хозяйство проиграло. Ведь помещикам оставили землю, однако лишили рабочей силы, а крестьяне получили землю в уравнилельно-передельной общине, то есть в таком варианте, который допускал ведение хозяйства лишь теми архаичными способами, которые доминировали до 1861 г. О том, что в общине было бессмысленно говорить о правильной интенсивной агрикультуре, знали еще при Екатерине II. А народонаселение страны между тем ежегодно увеличивалось на 1,5 млн человек!

Конечно, большей части общеизвестных проблем аграрного развития страны после 1861 г. можно было избежать, будь земля в частной собственности крестьян, что, в частности, неизмеримо расширило бы рамки среднего класса. Но для народников, а ими, по моему мнению, были все те, кто мыслил жизнь страны только на основе общины (от К. П. Победоносцева до С. Л. Перовской), то есть едва ли не преобладающая часть русского общества, это было равносильно покушению на основы мироздания.

³⁴ Цит. по: *Шепелев Л. В.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 154.

³⁵ *Страховский И. М.* Крестьянские права и учреждения. СПб., [1904]. С. 163.

³⁶ *Чернуха В. Г.* Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX в.) Л., 1972. С. 145–160; *Лилиенфельд-Тоаль П. Ф. (П. Л.)* Земля и воля. 1. Русская деревня в 1868 г. 2. Земские и судебно-мировые учреждения. СПб., 1868. С. 77–88.

С одной стороны, крестьяне, по их мнению, были «выше» собственности, а с другой, эти люди не забывали о том, что община, как показала русская история, была оптимальной конструкцией для контроля и эксплуатации деревни. Если отбросить словесную эквилибристику, то легко увидеть, что община была симпатична своим защитникам потому, что была основана на принуждении миллионов людей к консервации отсталой минималистской схемы общежития, что резко повышало возможности для управления этими людьми.

Цена этим взглядам — судьба нашей страны. Это ясно вытекает из сопоставления двух аграрных преобразований — 19 февраля 1861 г. и 19 февраля 1864 г. Самая настоящая издевка истории («ирония» — недостаточно точное в данном случае определение) состоит в том, что те же самые люди — Н. А. Милютин, Ю. Ф. Самарин и князь В. А. Черкасский — с благословения того же самого императора Александра II провели весьма удачную крестьянскую реформу в Польше.

К началу 1860-х гг. стало понятно, что крестьянство, получившее землю в частную собственность, весьма равнодушно к любой революционной агитации (окончательно это подтвердила революция 1870 г. во Франции). И наоборот.

Поэтому, вознамерившись навсегда оторвать крестьян Польши от мятежного дворянства, имперское правительство выбрало единственно правильный путь, сразу отдав крестьянам в собственность всю землю, которой фактически пользовались, и прирезали им около 1 млн десятин земли, избавив их от мучительной выкупной операции.

Бонусы правительства очевидны: естественное повышение уровня гражданского правосознания жителей деревни, подъем уровня их благосостояния и отсутствие в Польше аграрного вопроса в том масштабе, в каком он был во внутренних губерниях. Почему в нелояльной Польше правительство своими руками провело аграрную революцию, а российским крестьянам уготовило куда менее выигрышный путь развития, вполне понятно. Когда власть идеологически не зашорена, когда она открыта для экономических идей, у нее больше возможностей вести эффективную политику. А если она скована идеологией, например новым общественным настроением, то список возможных вариантов априори лаконичен. Упомянутое общественное настроение к Польше отношения не имело, поэтому там власть пошла по общеевропейскому пути. И выиграла.

Конечно, польский вариант был применим и в России, пожелай правительство основать институт частной крестьянской собственности на твердом основании. Возражение об отсутствии в России начала 1860-х гг. инфраструктуры, землемеров и прочего несостоятельно, поскольку после 1861 г. у страны впереди были десятилетия мирной жизни, за которые было вполне возможно создать сеть училищ, сделать профессию землемера престижной и т. д.

Строго говоря, можно было растянуть процесс освобождения на 10 или 20 лет, а те 45 лет, которые прошли от реформы Александра II до реформы Столыпина, можно было использовать куда более эффективно. Правительство же упорно держалось линии на правовую изоляцию крестьянства и консервацию общины. Апогеем здесь стало введение в 1893 г. неотчуждаемости крестьянской надельной земли и фактическая отмена досрочного выкупа наделов по 165-й статье.

Следствием экономической политики царизма стал кризис аграрного перенаселения в ряде северо-черноземных губерний между Днепром и Волгой. Аграрное

перенаселение (его нельзя путать с малоземельем) — продукт антикапиталистической утопии, возникший из обусловленных ею юридических и иных препятствий к свободному развитию экономической жизни. Все, что тормозило индустриализацию, прогресс торговли и транспортной сети, все, что мешало полноценному использованию естественных богатств империи, колонизации ее окраин, все, что замедляло развитие кредитной кооперации, прямо и косвенно подготовило и возникновение аграрного перенаселения.

Однако, вопреки оппозиционной литературе и публицистике, этот кризис отнюдь не был всеобщим, что наглядно доказывает статистика переселения в Сибирь. Так, Нечерноземная Россия, исключая Белоруссию, в целом осталась равнодушна к миграции за Урал. Крестьянство Центрально-промышленного, Северного, Приозерного районов, Прибалтики и Литвы, то есть 18 губерний, в 1896–1914 г. дало переселенцев меньше, чем одна Киевская (186,7 тыс. человек против 197,5 тыс.).

Тем не менее значительная часть русской деревни к началу XX в. была лишена реальных перспектив развития. К сожалению, формат статьи не позволяет коснуться этой проблематики подробнее, но читатели могут получить необходимую информацию из литературы. И все же я не могу оставить в стороне тот факт, что в традиционной историографии, разработавшей, кажется, все вариации темы пресловутого малоземелья, явно недостаточно говорится о том, что едва ли не главной причиной обеднения крестьянства после Великой реформы стали семейные разделы. Это воистину вечный двигатель пролетаризации российской деревни.

До 1861 г. большая крестьянская семья для помещиков была очень выгодна. Николай Ростов, как мы помним, не разрешал своим крестьянам делиться. После 1861 г. стремление людей к самостоятельной семейной жизни и независимости усилилось, что совершенно естественно. По данным Министерства внутренних дел, только за 1861–1882 гг. в 46 губерниях произошло 2 371 200 семейных разделов³⁷, которые отнюдь не умножили число крепких крестьянских дворов.

Семья не могла делиться менее чем на две. Это значит, что на месте 2,4 млн старых хозяйств появилось, как минимум, 4,7 млн новых и, конечно, ставших менее сильными хозяйств. Так, например, в Олонецкой губернии накануне реформы на каждые 100 дворов приходилось 22 двора с одним рабочим мужского пола, а в Псковской — всего 6. В 1882 г. их стало соответственно 62 и 47. Иными словами, в Олонецкой губернии за 22 года число однорабочих дворов увеличилось почти втрое, а в Псковской — даже в восемь раз³⁸. При этом в семьях с 1–2 душевыми наделами разделы случались как минимум не реже, а, скорее, чаще, чем в семьях с 3–4 и более наделами³⁹.

Нередко разделы вели к появлению дворов с третью или половиной надела, хозяева которых были вынуждены сдавать эту землю в аренду, зарабатывать на стороне. Часто крестьяне таких дворов становились батраками без хозяйственного инвентаря. И, как известно, семейные разделы отнюдь не закончились в 1882 г.

Реформа 1861 г., нацеленная на сохранение сословной обособленности десятков миллионов крестьян, создала уродливую систему крестьянского самоуправления, которая попросту испытывала несовершенство человеческой природы, укрепляла

³⁷ Страховский И. М. Крестьянские права и учреждения. С. 185.

³⁸ Бржеский Н. К. Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902. С. 113–114.

³⁹ Скворцов А. И. Аграрный вопрос и Государственная Дума. СПб., 1906. С. 77.

выработанный веками крепостничества правовой нигилизм крестьянства и стала мощным фактором дезорганизации, деградации и пролетаризации значительной части русской деревни. О том, как это повлияло на ментальность крестьянства, мы поговорим ниже.

Так или иначе с января 1904 г. Россия начала платить по счетам политического инфантилизма, и финал 40-летнего принципиального отторжения опыта человечества оказался плачевным. Русско-японская война и прямо спровоцированная ею революция знаменовали конец утопии.

После событий 1905–1906 гг. власть покончила с проповедью самобытности и начала менять алгоритм развития страны. В частности, был взят курс на аграрную революцию. Масштабы кризиса требовали адекватного ответа. Его контуры обрисовал П. А. Столыпин в речи при открытии II Государственной думы 6 марта 1907 г. В ней он изложил широчайшую программу едва ли не самых продуманных системных реформ за века русской истории, предполагавших радикальное изменение вектора развития страны.

Столыпин так определил связь между предложенными им законопроектами: «В основу их положена одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить во всей последующей деятельности. Мысль эта — создать те материальные нормы, в которых должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. Преобразованное по воле монарха Отечество наше должно превратиться в государство правовое»⁴⁰.

Решение этих задач должно было превратить страну в «Великую Россию» — и не в расхожем пропагандистском смысле, а естественной силой вещей. В центре программы стояла аграрная реформа, по масштабу не имевшая аналогов в мировой истории. Она началась до открытия Думы, иначе ее постигла бы печальная судьба большинства столыпинских начинаний.

Я довольно много писал о том, что она имела большой успех⁴¹, несмотря на понятные проблемы и трудности, ведь вся предыдущая аграрная политика имела ровно обратную направленность. Поэтому ограничусь мнением, высказанным А. В. Чаяновым в 1914 г., о том, что «наша родина переживает сейчас такое же “возрождение села”, какое несколько десятилетий назад пережили датские, итальянские, бельгийские и другие европейские крестьяне. Конечно, возрождение это идет не всегда так гладко, как хотелось бы: бывают успехи, бывают и неудачи. Многое сделано, еще больше остается сделать. Но несомненно одно: крестьянская Россия сдвинулась с мертвой точки векового застоя, голодовок и темноты народной и делает первые шаги к общенародному благополучию»⁴².

В сущности, реформа Столыпина и то, что я называю теоремой Столыпина, — это отрицание нового общественного настроения, построенного на культе крестьянской общинной несвободы, маскируемой привлекательными и даже одухотворяющими идеями. В частности, выяснилось, что законы развития человечества распространяются и на Россию.

⁴⁰ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911. М., 1991. С. 51.

⁴¹ Давыдов М. А.: 1) 20 лет до Великой войны. Российская модернизация Витте — Столыпина. СПб., 2016; 2) Всероссийский рынок и железнодорожная статистика в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2019. С. 513–812; 3) Теорема Столыпина. С. 543–782.

⁴² Чаянов А. В. Война и крестьянское хозяйство. М., 1914. С. 3–4.

Аграрная реформа Столыпина была обязана успехом прежде всего повышению управленческого класса правительства и появлению новой генерации русских крестьян, которые переросли рамки общины, отвергали аграрный коммунизм, читали книги и понимали, например, что кооперация — не раздача бесплатного «царского пайка», что взятые долги нужно отдавать. Эта новая генерация наглядно показала, на что способен русский народ, получивший свободу.

Да, преобразования во многом продемонстрировали лучшие качества правительства. Во-первых, оно сумело оперативно изменить план реформы. Когда вопреки ожиданиям на первый план выдвинулось землеустройство, что привело к значительным изменениям в структуре преобразований, Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) в целом успешно справилось с этим, в невиданно короткий срок обучив тысячи землемеров.

Во-вторых, ГУЗиЗ смогло привлечь к участию в реформе тысячи представителей образованного класса самых разных политических взглядов, сделав их своими союзниками (вольными или невольными, постоянными или временными), сумев найти общий знаменатель совместной деятельности — желание сдвинуть деревню «с мертвой точки векового застоя, голодовок и темноты народной»⁴³. Это позволяет говорить о значительных позитивных ресурсах правительственного механизма, о его способности мобильно перегруппироваться, перестроиться в интересах стратегической концепции реформ, несмотря на неизбежные неудачи и потери.

К августу 1914 г. в реализации реформы прямо и косвенно участвовали, *не считая* десятков тысяч кооператоров, не менее 45 тыс. человек, что сопоставимо с численностью офицерского корпуса Российской империи в 1914 г. (48 тыс. офицеров, врачей и чиновников)⁴⁴. И ведь преобразования только начинались!

За годы реформы внутри образованного класса России сформировался слой людей, специальностью которых стало мирное переустройство российской деревни, а в более широком смысле — приобщение крестьян к новой жизни. Такие результаты являются выдающимися в любом случае, особенно с учетом того, что в 1906–1908 гг. все начиналось буквально с нуля, с 200 землемеров и неучкомплектованных за недостатком кадров Землеустроительных комиссий. Ведь страна, по гамбургскому счету, не была готова ни к реформе, ни к тому, что преобразования примут такой масштаб, поскольку ее правительство вело абсолютно противоположную политику в течение более чем 40 лет после 1861 г. И тем не менее, повторюсь, правительство оказалось на высоте своего положения, и конкретная история реформы неоднократно подтверждает эту мысль. Очевидно, что здесь исследование И. В. Поткиной, ее выводы относительно квалифицированной работы царского правительства в 1914–1917 гг. прямо пересекаются с моими изысканиями. Управленческий уровень последнего явно вырос в сравнении с XIX в.

Полагаю, успех аграрной реформы Столыпина, поднявшей благосостояние деревни и начавшей преодоление кризиса аграрного перенаселения, снимает проблему системного кризиса самодержавия. Не может быть в кризисе система, способная на столь масштабные и успешные преобразования, весьма радикально и позитивно изменившие жизнь миллионов людей и страны в целом. Однако начавшееся решение аграрного вопроса не означало, что исчезли или стали менее значимы-

⁴³ Там же.

⁴⁴ Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны. С. 813.

ми другие проблемы страны, порожденные или усиленные утопией, поэтому здесь вновь нужно задать вопрос о том, почему произошла катастрофа.

Мой взгляд таков: главной причиной революционных катаклизмов стало отречение Николая II, падение монархии. Именно этот фактор, начавший действовать со 2 марта 1917 г., нарастая вширь и вглубь в пространстве и времени, всколыхнул огромную страну, запустив своего рода цепную реакцию одичания ее населения. Достоевский, как известно, это предвидел: если Бога нет, значит, все дозволено. По моему глубокому убеждению, все последующее вытекает из этого факта.

Ведь отречение изолированного и запуганного генералами Николая II росчерком пера уничтожило привычную, незыблемую для большинства из 160 млн жителей России систему миропорядка, в центре которого стояла фигура Императора. После 2 марта люди воистину проснулись в другом мире. Падение монархии дало массе крестьянства моральную санкцию на реализацию своей вековой мечты — «черного передела»⁴⁵. Как крестьяне могли воспринять крушение привычного миропорядка на фоне фактического призыва социалистов к мародерству?! Иначе говоря, ликвидация монархии положила начало постепенному разнузданию преобладающей части населения в тылу и на фронте, освобождению ее от тех нравственных ограничений, которые в привычной жизни обеспечивают приемлемое общежитие, нормальную коммуникацию между людьми вообще и представителями различных социальных слоев в частности. Отречение царя разбудило архетипы сознания, и тонкий слой цивилизации был в секунду, с точки зрения истории, сметен проявившейся возможностью чинить зло безнаказанно. Большинство населения новая власть априори не могла восприниматься как настоящая, к тому же она, начиная с «Приказа № 1», не упустила ни одной возможности, чтобы разубедить народ в этом мнении. Пресса того времени, множество мемуаристов зафиксировали бесчисленные свидетельства постепенного сползания страны в анархию и хаос.

Сказанное, естественно, актуализирует вопрос о том, что вызвало отречение?

Традиционный взгляд на февральские события 1917 г. известен: это, условно говоря, ответ истории на системный кризис самодержавия. Но убедительно аргументированная позиция С. В. Куликова такова: Февраль 1917 г. — это успешный верхушечный заговор под лозунгом «революция во имя победы», вызванный стремлением переломить ход войны, отодвинув от руководства Николая II с его «изменницей»-царицей⁴⁶.

Разница между этими подходами — принципиальная, потому что в первом случае речь идет о глобально неверной стратегии развития страны в течение длительного периода, а это определенно не так. Во втором же варианте речь идет о роковой недалекновидности достаточно узкой группы элит, самонадеянно пробудившей силы, с которыми она наивно рассчитывала совладать, но, разумеется, не смогла справиться. Не будь заговора во главе с А. И. Гучковым, до осени 1918 г. русская армия безусловно удержала бы фронт и Россия оказалась бы державой-победительницей. Едва ли не лучшее свидетельство того, что революция не вытекала

⁴⁵ Так, Ф. А. Степун сообщает о первой и весьма показательной реакции его солдат-сослуживцев, узнавших об отречении: «К чему нам напоследок в Галиции пропадать, когда дома землю делить будут» (Степун Ф. Бывшее и несбывшееся: в 2 т. Т. 2. Нью-Йорк, 1956. С. 10–11).

⁴⁶ Куликов С. В. «Революции неизменно идут сверху...»: падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. 2007. № 11. С. 117–185.

из логики развития страны как после 1906 г., так и после 1 августа 1914 г., — это произнесенные Лениным в январе 1917 г. известные слова о том, что им, «старикам», грядущей революции уже не увидеть.

Забавно вспомнить, что в свое время, будучи репетитором, я убедился, что едва ли не самым сложным для абитуриентов вопросом на вступительном экзамене по истории СССР была Февральская революция именно в силу ее невразумительного объяснения в любых тогдашних учебниках. Она появлялась в цепи исторических событий вдруг, как бы ниоткуда, практически на голом месте, и ученикам требовалось просто зубрить по дням хронологию внезапно начавшегося массового движения в Петрограде.

Чтобы ребята могли зацепиться за какую-то осмысленную информацию, я тогда намеренно усложнил свое объяснение, добавив железнодорожный, топливный, аграрный и продовольственный кризисы, о которых писал А. Л. Сидоров в главе «Россия в Первой мировой войне» в VI томе «Истории СССР с древнейших времен»⁴⁷. Конечно, при желании увеличить число кризисов было бы не трудно. Так что доказанный факт заговора Гучкова и К^о, выведших с помощью рабочей группы Военно-промышленного комитета (ВПК) во главе с Гвоздевым на улицы тысячи демонстрантов, разрешил это давнее недоумение.

Предвижу возражение — массовость революции, особенно заметная с началом аграрных погромов, и Гражданская война от Владивостока до Прибалтики и Бессарабии как бы сами собой подразумевают наличие неких глобальных причин, способных всколыхнуть 160 млн человек. А тут какой-то заговор?! Как-то несолидно получается. Мне приходилось слышать от коллег скептические замечания по этому поводу в стиле: ну вот, опять теория заговора, конспиративные сюжеты.

В ответ я задаю вопрос: действительно ли Петр III умер от геморроидальных коллик, а Павел I — от апоплексического удара? Такая ли редкость подобный заговор в нашей истории и истории других стран с неустоявшимся правовым режимом и слабым правосознанием не только народа, но и элит? И здесь мы снова возвращаемся к утопии, потому что она в значительной мере объясняет и поведение оппозиции, и мародерство крестьян образца 1917 г., прорепетированное в 1905–1906 гг.

Анализируя поведение деятелей ВПК и Земгора в годы войны, мы, разумеется, понимаем, что во многом оно определяется динамикой развития знаменитой оппозиции Мы — Они, зародившейся в годы «мрачного семилетия» 1848–1855 гг. Во многом, однако далеко не во всем.

Капитальный вред утопии состоял и в том, что консервация сословного строя в сочетании с незыблемостью самодержавия препятствовала той морально-психологической эволюции населения страны, которая является естественным и неизбежным следствием полноценной модернизации.

Г. И. Успенский как-то заметил, что освобожденный в 1861 г. русский крестьянин психологически тащит на себе 26 томов «Истории» Соловьева. Полагаю, эта метафора относится не только к представителям податных сословий. Я считаю, что глобально русское общество вышло из крепостничества больным, что довольно естественно.

⁴⁷ История СССР с древнейших времен до наших дней: в 12 т. Т. VI. М., 1968. С. 562–588.

В. О. Ключевский не зря отмечал, что русское общество вступило в новую жизнь с запасом привычек, который он обтекаемо именует «недобрыми». И среди них важное место занимало отсутствие четких нравственных ориентиров и критериев. И в этом не было ничего удивительного. Барская передняя и барская людская, где бы они ни находились, — в захудалом ли поместьеце потомков Петруши Гринёва, в роскошном ли Смелянском имении графов Бобринских, в Зимнем ли дворце, — скверная школа нравственности.

Уже в 1862 г. Б. Н. Чичерин писал о том, что он называл «оппозиционным либерализмом»: «Боже мой! Какая тут представляется пестрая смесь людей! <...> Кому не знакомо это критическое настроение русского общества, этот избыток оппозиционных излиятий, которые являются в столь многообразных формах: в виде бранчливого неудовольствия... в виде презрительной иронии и ядовитой усмешки, которые показывают, что критик стоит где-то далеко впереди, бесконечно выше окружающего мира, — в виде глумления и анекдотцев, обличающих темные козни бюрократов... в виде злорадства при всякой дурной мере, при всяком зле, постигающем отечество, — в виде *вольнолюбия, всегда готового к деспотизму, и независимости, всегда готовой ползать и поклоняться* (курсив мой. — М. Д.). Не перечтешь тех бесчисленных оттенков оппозиции, которыми изумляет нас Русская земля. <...>

В практической жизни оппозиционный либерализм держится тех же отрицательных правил. Первое и необходимое условие — не иметь ни малейшего соприкосновения с властью, держаться как можно дальше от нее. Это не значит, однако, что следует отказываться от доходных мест и чинов. Для природы русского человека такое требование было бы слишком тяжело. Многие и многие оппозиционные либералы сидят на теплых местечках, надевают придворный мундир, делают отличную карьеру и тем не менее считают долгом, при всяком удобном случае, бранить то правительство, которому они служат, и тот порядок, которым они наслаждаются»⁴⁸.

В нравственном смысле это общество в большой своей части было холопским. Веками оно было приучено или трепетать, или повелевать, или бояться, или видеть страх в глазах других. Этому не противоречила давняя практика дворцовых переворотов. Я уже писал, что и преторианцы в Древнем Риме — отнюдь не свободные люди. Это рабы, сделавшие бунт доходным ремеслом. Если власть и после 1861 г. не просто сохранила, но прицельно культивировала в себе все черты Главного Барина, то и ментальности весьма значительного числа подданных — вне зависимости от социального статуса — по-прежнему был свойствен ряд поведенческих характеристик крепостных крестьян. Если у последних всегда оставался крайний вариант самозащиты — убийство жестокого господина, то у дворян ту же роль играли дворцовые перевороты, а иногда и цареубийство, в котором монарх де-факто выступал как ненавистный коллективный помещик.

Полагаю, что и революционный террор был вариантом крепостнического модуса операнди. Ведь что такое трагедия 1 марта, как не вариант расправы крепостных с фельдмаршалом М. Ф. Каменским или Настасьей Минкиной?

⁴⁸ Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 151, 154.

Как оценить истинный смысл непритворной радости общества в связи с оправданием участников «процесса 193-х» или беспримерные восторги по поводу оправдания Веры Засулич, показавшие реальный уровень правосознания русского образованного класса? Да, отчасти это была смесь маниловского благодушия и стокгольмского синдрома. Но в то же время я вижу в этом реакцию, условно говоря, крепостных на ущемление — в той или иной форме — Самого Большого Барина и его ненавистных слуг. Кстати, присяжные из крестьян, как правило, оправдывали поджигателей помещиков.

Л. А. Тихомиров был твердо убежден, что революционеров плодят те, кого тогда называли либералами. Именно они создавали питательную среду для революционеров, и отнюдь не своими «ничтожными... программами, а пропагандой своего общего мирозерцания», негативистского по самой своей сути. Великие реформы воспринимались либералами как уступки правительства и притом недостаточные.

В «Началах и концах» Тихомиров пишет: «Я положительнейшим образом утверждаю, что нет ни одного революционного течения (за исключением *терроризма*), которое бы не имело своих корней или отражения в легальной литературе... Идеи анархизма... разлиты были повсюду, без Бакунина»⁴⁹.

Здесь нельзя не вспомнить едва ли не демонстративное прекращение либеральной печатью полемики с революционерами в конце 1870-х гг., после выстрела Засулич и Берлинского конгресса, якобы показавшего неспособность правительства защитить национальные интересы. К этому времени относится показательный случай, описываемый К. Ф. Головиным. Отмечая индифферентную реакцию сановного Петербурга на покушение Соловьева на царя в апреле 1879 г., Головин сообщает, что он поинтересовался у А. Н. Куломзина, тогда товарища министра государственных имуществ, в чем причина такого «поразительного хладнокровия общества», ведь опасность угрожает ему самому. Ответ Куломзина, по мнению К. Ф. Головина, стоил записи: «Настоящего антагонизма между нами и революционерами нет, вот в чем дело. Непрерывная цепь связывает людей самых благонамеренных с заговорщиками». А. Н. Куломзин был совершенно прав. «Оппозиционный дух чувствовался в самой правительственной среде. Люди... бранили правительство огулом, совершенно забывая, что все их существование с этим правительством связано... В этом и была опасность: она заключалась в отсутствии сознательной поддержки, а не в силе нападения... Зубоскальство и теперь, почти накануне 1-го марта, не переставало быть любимым занятием прирожденных защитников порядка»⁵⁰.

Это весьма близко к тому, что писал в 1862 г. Б. Н. Чичерин.

На фоне вышесказанного меня не удивляет лицемерно-позорная позиция русской интеллигенции в отношении террора — красный считался допустимым и даже полезным, а белый — громко осуждался.

В силу подобной логики покушения на царя, например, вплоть до его убийства 1 марта 1881 г., не говоря о терроре в отношении менее значительных лиц, обрели в России характер чуть ли не обыденного явления, морально-этическая оправданность которого была настолько очевидна, что даже не обсуждалась. Достаточно вспомнить мнение редакции журнала «Освобождение»: «Мы не принадлежим к числу людей, из лицемерия или недомыслия клеймящих событие 1 марта и по-

⁴⁹ Тихомиров Л. А. Начало и концы. М., 1890. С. 60–61.

⁵⁰ Головин К. Ф. Мои воспоминания: в 2 т. Т. 1. СПб., 1908. С. 371–373.

зорящих его виновников. Мы не боимся открыто сказать то, что втайне известно всей искренней и мыслящей России, а именно, что деятели 1 марта принадлежат к лучшим русским людям»⁵¹. Отсюда такие постыдные факты, как чуть ли не всенародное ликование по поводу убийства, например, В. К. Плеве, П. А. Столыпина.

Хотелось бы быть понятым правильно. Я, как и И. В. Поткина, далек от того, чтобы возлагать вину лишь на представителей общественности.

С. Ю. Витте отмечал, что «в конце XIX и в начале XX в. нельзя вести политику Средних веков: когда народ делается, по крайней мере в части своей, сознательным, невозможно вести политику явно несправедливого поощрения привилегированного меньшинства за счет большинства. Политики и правители, которые этого не понимают, готовят революцию, которая взрывается при первом случае, когда правительства эти теряют свой престиж и силу»⁵².

Если бы царизм был более гибким, если бы не держался с таким маниакальным упорством за монополию власти, а разумно бы делился ею, если бы не подавлял так неумно оппозицию, а шире — естественное развитие общества, то, весьма вероятно, ход нашей истории был бы иным. Между тем весной 1914 г. правительство на почве очередного ограничения прав иудеев вошло в новое прямое столкновение с бизнесом, реакция которого была столь резкой и острой, что власти вынуждены были пойти на попятный⁵³. Ситуация вокруг 18 апреля 1914 г. делает несколько понятнее контекст антиправительственной деятельности таких миллионеров, как А. И. Коновалов, М. И. Терещенко и иже с ними, хотя, разумеется, никак ее не оправдывает.

Да, в 1914–1917 гг. сошлось такое, что нарочно не придумаешь. И в страшном сне невозможно было представить, что в период жестокого напряжения сил страны во время Мировой войны престиж носителей верховной власти падет так беспрецедентно низко, что это вызовет сильнейшую деморализацию представителей и военной, и гражданской бюрократии и, в частности, ту поразительную легкость, с которой была свергнута монархия.

При желании можно попытаться понять тех представителей образованного класса, которые подобно Савве Морозову и даже Гарину-Михайловскому спонсировали РСДРП до 1905 г., однако я сомневаюсь, что они делали бы это в 1914–1917 гг. Полагаю, вышесказанное о двойной морали множества представителей политической и политизированной элиты кое-что проясняет в поведении заговорщиков, включая генералитет.

Далее. Воистину роковым образом утопия повлияла на ментальность крестьянства. Н. Н. Львов, выступая в III Думе, очень точно отметил, что итогом функционирования общинного режима стало формирование «бесправной личности и самоуправной толпы: тех двух начал, которые угрожают прежде всего гражданскому строю, не интересам землевладельцев, а именно водворению гражданских свобод, которые мы должны водворить в крестьянском мире. Состояние масс в таком виде есть угроза для правового государства»⁵⁴.

⁵¹ Цит. по: *Мионов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010. С. 600–601.

⁵² Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания: в 2 т. Т. 2. СПб., 2003. С. 53.

⁵³ *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия. 1904–1914. Л., 1987. С. 144–174.

⁵⁴ *Герье В. И.* Второе раскрепощение. С. 40.

Исчерпывающую характеристику крестьянского правосознания, сформированного реформой 1861 г. и последующей крестьянской политикой, дал в начале 1905 г. С. Ю. Витте: «Россия составляет в одном отношении исключение из всех стран мира. Исключение это состоит в том, что систематически, в течение двух поколений, народ воспитывается в отсутствии понятия о собственности и законности. Подобный пример едва ли найдется в какой-либо другой стране. Какие исторические события явятся результатом того, затрудняюсь сказать, но чую, что последствия будут очень серьезные». Крестьянство после 1861 г. воспитывалось «в условиях уравнительного землепользования, т.е. в условиях, исключающих всякую твердость и неприкосновенность прав отдельных лиц на их земельное владение». В результате «никакого понятия о собственности в сознание крестьян не внедрилось. Этого понятия не мог создать у крестьян не только порядок владения землей, но и вообще весь характер их правоотношений. Ведь правоотношения нормируются не точным писаным правом, а часто “никому неизвестным”... обычаем, причем спорные вопросы разрешаются частью волостным судом, т.е. судом темным и небезупречным, а частью даже в административном порядке: сходом и попечительной властью начальства. При таких условиях для меня представляется огромный вопросительный знак: что может представлять собой империя с 100-миллионным крестьянским населением, в среде которого не воспитано ни понятия о праве земельной собственности, ни понятия о твердости права вообще. И мне представляется, что, если идея воспитания крестьян в условиях уравнительного землепользования и вообще в условиях, отдаляющих их от общего правопорядка, будет и далее проводиться с таким же упорством, то Россия может дожить до грозных исторических событий. <...> Раз крестьяне в себе не имеют чувства собственности, то, очевидно, они не будут уважать и чужой собственности»⁵⁵.

Витте знал, о чем говорил, и каждая буква здесь стоит на своем месте. Это было одно из его, увы, сбывшихся горестных провидений относительно будущего нашей страны.

Можно долго и с полным основанием говорить о низком правосознании русских крестьян; однако стоит только хоть немного погрузиться в тот невообразимый хаос, которым была с точки зрения юридической их повседневная жизнь после 1861 г., становится понятно, что внешне справедливые обвинения их в правовом нигилизме, в неуважении закона и законности и т. д. внутренне оказываются не вполне состоятельны, потому что игнорируют естественный вопрос: а откуда бы у крестьян — из их конкретной жизни — появилось такое уважение?

Из-за утопии три поколения русских крестьян, встретивших новый 1917 год, в большей или меньшей степени выросли в условиях пореформенного аграрного коммунизма со всеми вытекающими последствиями. Что здесь всерьез могли изменить несколько лет аграрной реформы Столыпина?

Книга И. В. Поткиной опровергает тезис о системном кризисе самодержавия. Я солидарен с нею и, подводя итоги, вновь подчеркну, что не считаю эту проблему серьезной с научной точки зрения. Да, нет сомнений, что построение правового го-

⁵⁵ Протокол № 23 от 12 марта 1905 г. // Высочайше учрежденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Протоколы по крестьянскому делу. Заседания с 8 декабря 1904 г. по 30 марта 1905 г. СПб., 1905. С. 4–6.

сударства было бы непростым процессом, однако едва ли оно было бы более трудным и трагичным, чем построение социализма в одной отдельно взятой стране.

References

- Bulgakov S. N. *Pravoslavie: ocherki ucheniia Pravoslavnoi tserkvi*. Moscow, Terra Publ., 1991, 413 p. (In Russian)
- Chaianov A. V. *Voina i krest'ianskoe hoziaistvo*. Moscow, I. Tip. N. Kushnereva i K° Publ., 1914, 16 p. (In Russian)
- Chernuha V. G. *Krest'ianskii vopros v pravitel'svennoi politike Rossii (60–70 gody XIX v.)*. Leningrad, Nauka Publ., 1972, 226 p. (In Russian)
- Chicherin B. N. *Neskol'ko sovremennykh voprosov*. Moscow, Tip. K. Soldatenkova Publ., 1862, 265 p. (In Russian)
- Davydov M. A. *20 let do Velikoi voiny. Rossiiskaia modernizatsiia Vitte — Stolypina*. St Petersburg, Aletheia Publ., 2016, 1072 p. (In Russian)
- Davydov M. A. *Modernizatsiia Vitte — Stolypina: modernizatsiia vopreki? Problemy reformirovaniia Rossii na rubezhe XIX–XX vv.* St Petersburg, EUSP Press, 2018, pp. 105–148. (In Russian)
- Davydov M. A. *O problemakh rossiiskoi modernizatsii. Rossiiskaia istoriia*, 2018, no. 3, pp. 33–44. (In Russian)
- Davydov M. A. *Teorema Stolypina*. St Petersburg, Aletheia Publ., 2022, 838 p. (In Russian)
- Davydov M. A. *Vserossiiskii rynek i zheleznodorozhnaia statistika v kontse XIX — nachale XX vv.* St Petersburg, Aletheia Publ., 2019, 1004 p. (In Russian)
- Kulikov S. V. “Revoliutsii neizmenno idut sverkh...”: padenie tsarizma skvoz' prizmu elitistskoi paradigmy. *Nestor*, 2007, no. 11, pp. 117–185. (In Russian)
- Kulikov S. V. Spor mezhdru “pessimistami” i “optimistami” prodolzhaetsja... *Peterburgskii istoricheskii zhurnal. Issledovaniia po rossiiskoi i vseobshhei istorii*, 2015, no. 1, pp. 264–270. (In Russian)
- Mironov B. N. *Blagosostoianie naseleniia i revoliutsii v imperskoi Rossii: XVIII — nachalo XX veka*. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2010, 911 p. (In Russian)
- Potkina I. V. *Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoi deiatel'nosti v Rossii, XIX — pervaiia chetvert' XX v.* Moscow, Norma Publ., 2009, 304 p. (In Russian)
- Potkina I. V. *V preddverii katastrofy. Gosudarstvo i ekonomika Rossii v 1914–1917 godakh*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2022, 380 p. (In Russian)
- Shepelev L. E. *Tsarizm i burzhuaziia vo vtoroi polovine XIX veka*. Leningrad, Nauka Publ., 1981, 276 p. (In Russian)
- Shepelev L. E. *Tsarizm i burzhuaziia. 1904–1914*. Leningrad, Nauka Publ., 1987, 272 p. (In Russian)
- Skvortsov A. I. *Agrarnyi vopros i Gosudarstvennaia Duma*. St Petersburg, Tip. I. N. Skorokhodova Publ., 1906, 143 p. (In Russian)
- Strakhovskii I. M. *Krest'ianskie prava i uchrezhdeniia*. St Petersburg, Obshchestvennaia pol'za Publ., 1904, 256 p. (In Russian)
- Struve P. B. *Izbrannye sochineniia*. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999, 470 p.

Статья поступила в редакцию 1 августа 2022 г.

Рекомендована к печати 31 октября 2022 г.

Received: August 1, 2022

Accepted: October 31, 2022